

Глава 48: Победитель

Людвиг мог это видеть, и маршал Твен, естественно, тоже.

Он повернул голову и взглянул на Людвигу. "Неужели все дети в вашей империи такие хрупкие? Они проливают слезы от одного только толчка".

Золотые глаза Людвигу остались без эмоций, он просто констатировал факты: "Даже если они такие хрупкие дети, ваш Вагнер все равно проиграет ему".

Твен слегка хихикнул. "Так ли это? Ваше Величество совершенно уверены".

Бой между двумя детьми на сцене еще не закончился. Ниннинг, получивший удар в лоб, сжал кулаки и со всей силы набросился на Вагнера.

Он использовал для борьбы и руки, и ноги, и даже кусал, когда это было крайне важно!

Вагнер никогда не видел такого беспринципного ребенка в драке. Одной рукой он схватился за мягкую белую щеку ребенка и со всей силы оттолкнул безобидное на первый взгляд лицо.

У него не было другого выбора, кроме как оттолкнуть его.

Этот ребенок не отпустит его, если он этого не сделает!

"Ты не можешь так сравнивать себя со мной!" Вагнер отругал ребенка, у которого не было никакой спортивной формы. "Ты только используешь хитрые трюки!"

Цзянь Нин не мог понять, что значит "подлые трюки". Слезы навернулись ему на глаза, и он обнял пухлую руку Вагнера, энергично разминая свои пухлые ноги, как стебель лотоса.

Вагнер долго и сердито ругал его. После этой брани Цзянь Нин все еще не мог сдержать слез и сказал детским голосом: "Ниннинг не понимает".

Слова, которыми Вагнер ругал его, были идиомами, но Ниннин все еще учился писать китайские иероглифы и не знал идиом. После того, как его так долго ругали, этот маленький молочный ребенок все еще захлебывался слезами и говорил, что не понимает.

Вагнеру было больно и физически, и душевно, и он чуть не расплакался на месте.

Нингин прижался к другому и сильно ударил его по ногам. Слезы навернулись ему на глаза, когда он заметил неосторожность Вагнера. Ниннинг поднялся и яростно столкнул человека с платформы.

Под платформой была постелена циновка, и она была очень толстой.

Вагнер оказался неподготовленным и был окончательно столкнут вниз.

Дети под платформой, которые скандировали лозунги, увидели эту сцену, и все зааплодировали и закричали: "Нингин победил!".

Эта группа детей, скандировавших лозунги за пределами ринга, стала главным событием соревнования.

Учителя, наблюдавшие за соревнованиями, не могли не спросить друг друга: "Лили заранее отрепетировала это?".

Эти маленькие дети, независимо от их размера или возраста, смотрели вверх с пухлыми лицами и выкрикивали патриотические лозунги громкими, детскими голосами, что было очень мило.

Если бы эти лозунги бездумно выкрикивал более крупный ребенок или взрослый, это могло бы вызвать некоторое смущение.

Но когда эти пухленькие малыши кричали вместе, это совсем другое дело.

Если бы Лили не остановила их, эти возбужденные морковные головы бросились бы к подножию платформы, чтобы поприветствовать Ниннин вблизи.

Тем временем.

Ниннин, победивший в схватке на платформе, был настолько измотан, что у него не осталось сил.

Он опустился на землю и посмотрел вверх.

Дети внизу были встревожены. "Учитель Лили, почему Ниннин не смотрит на меня? Я хочу подарить ему цветы!"

"Я хочу дать Ниннингу конфеты!"

"Я хочу обнять Ниннинга. Он был просто великолепен!"

Дети хотели праздновать вместе с Ниннингом, но Ниннинг, сидя на платформе, просто не смотрел на них.

Посидев на платформе некоторое время, Цзянь Нин повернулся к своему брату и раскрыл руки, чтобы попросить его обнять.

Хуо Линь увидел это и сразу же захотел встать. Но кто-то встал раньше него.

Это был его отец.

Его отец шел с маршалом Твенем, и, согласно этикету, Хуо Линь не мог идти впереди них.

Двое взрослых тоже направились к платформе.

Они оба много лет сражались на поле боя, и от их тел исходил стойкий запах крови.

Маршал Твен подошел к помосту и посмотрел вниз на Вагнера, который упал на циновку, без всякой нежности в его красивых бровях и глазах. "Вагнер, вставай".

Когда Вагнер только что упал, он случайно вывихнул себе руку. Он не издал ни звука и медленно встал под взглядом отца.

Твен не только попросил его встать, но и вернуться на платформу.

Пока маршал Твен и его сын все еще разговаривали, перед сидящим на земле пухлым ребенком упала тень.

Людвиг посмотрел вниз на красноглазого пухленького ребенка. Если бы он только что не наблюдал за всем этим процессом и не видел, как выглядит малыш на земле, он бы подумал, что это он проиграл.

Цзянь Нин изначально хотел обнять своего брата, но Людвиг подошел к нему первым.

Пухлый ребенок, который не хотел идти, схватил Людвига за штанину своими маленькими толстыми ручками и сказал: "Дядя Лулу, обними меня!".

Людвиг выслушал просьбу ребенка об объятиях и удивился.

"Разве ты не думаешь, что я всегда страшный?"

Людвиг наклонился и мягко спросил его, поднимая малыша.

Цзянь Нин фыркнул и честно ответил: "Ты очень свирепый".

Людвиг поднял бровь и сказал: "Если я такой свирепый, почему ты все еще хочешь, чтобы я тебя обнял?"

Цзянь Нин молчал, опустив голову, и возился с металлическими пуговицами на одежде Людвига.

Дядя Лулу был очень свирепым, и дядя Мэнс тоже был очень свирепым.

Утром дядя Мэнс забирал его играть, и он хотел, чтобы дядя Лулу забирал его тоже.

Видя, что дядя Лулу собирается его о чем-то спросить, и не зная, как ответить, Ниннинг просто прижал свое маленькое пухлое личико к груди Людвига.

Приклеивать свое пухлое личико к другим было умением, которому Цзянь Нин научился на бесплодной планете. Иногда, когда он сердил своего отца или других дядей, он приклеивал свое пухлое лицо к ним, немного тер его, и тогда они переставали сердиться.

Людвиг, прижав к себе пухлое лицо Ниннин, никогда прежде не ощущал такой мягкости. Когда он носил на руках своего сына, бывало, что ему хотелось быть с ним ласковым, когда никого не было рядом, но сыну тогда было всего несколько месяцев, и он либо шлепал его, либо бил по лицу, когда тот подходил слишком близко.

Короче говоря, Людвиг еще никогда не был так близок с маленьким ребенком.

"Дядя Лулу, не будь свирепым в будущем".

Потрепав Людвига по лицу, Цзянь Нин воспользовался случаем, чтобы обратиться с просьбой.

Он думал, что после "уговаривания" дяди Лулу, он сможет переключить свое внимание на маршала Твена.

Тон маршала Твена, разрешившего своему сыну встать, звучал так, словно он отдавал приказы.

Людвиг был высокого роста, и с Цзянь Нин, сидящей у него на руках, он мог хорошо видеть Вагнера внизу.

Он нахмурился и выглядел несчастным.

Людвиг подумал, что он не хочет видеть Вагнера, учитывая, как агрессивно двое детей только что боролись. Но, как оказалось, маленький ребенок на его руках не испытывал неприязни к Вагнеру. Он заметил травму Вагнера.

"Дядя, это отец Вагнера?"

Цзянь Нин указал своим пухлым пальчиком на маршала Твена, который услышал его голос и повернулся, чтобы посмотреть на него.

Цзянь Нин встретил взгляд маршала Твена без всякого страха.

Страшный дядюшка Лулу держал его. Кроме того, Цзянь Нин не чувствовал страха, даже если бы перед ним сейчас стоял дядя Мэнс.

"Здравствуйте, я Цзянь Нин".

Прежде чем заговорить с незнакомцем, нужно сначала поприветствовать его. Следуя наставлениям отца, Ниннин вежливо поприветствовал маршала Твена.

После приветствия он задал тот же вопрос, который только что задал: "Вы отец Вагнера?".

Маршал Твен ответил "Хм", заявив при этом: "Я его отец".

Цзянь Нин подтвердил личность другого человека, и его брови нахмурились еще сильнее. Его тоненький голосок был смешан с сильными эмоциями: "Ты его отец, так почему бы тебе не поддержать его?".

Хотя Цзянь Нин не любил Вагнера, он все же заступился за него: "У него болит рука. Ты его отец. Ты должен держать его и утешать в такие моменты".

Маршал Твен, которому преподали урок, молчал.

Вагнер, который только что с болью взобрался на ринг, тоже молчал.

Отец и сын оба молчали.

<http://tl.rulate.ru/book/88774/2947212>